

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМА Δανδαῖοι*

Упомянутый в ряде античных источников ЭН Δανδαῖοι — народ, живший в районе Меотиды (Strab. XI, 495; Plut. Luc. 16; St.B.),¹ до сих пор не имеет надежной этимологии. М. Фасмер в очень неуверенной форме сопоставил этот этноним с иран. dānū-dāga- 'Flußanwohner'.² Но это изолированное сопоставление едва ли можно признать убедительным. Более подробно на этимологии ЭН Δανδαῖοι останавливается в целом ряде своих работ О. Н. Трубачев.³ Пытаясь возродить устаревшую гипотезу о пребывании индоариев в Северном Причерноморье (С. Ritter, П. К. Услар, П. Кречмер), О. Н. Трубачев предлагает около 300 индоарийских этимологий. Реакция специалистов как на небольшую статью П. Кречмера,⁴ так и на серию статей О. Н. Трубачева была почти однозначно отрицательной. Так, В. Шмид считает, что к этимологиям О. Н. Трубачева следует относиться «zum großen Teil sehr skeptisch».⁵ Из всей массы примеров В. Шмид готов принять только одно сопоставление: др.-инд. setu- 'мост' — Σιτάκη (там же), несмотря на то, что set- и Σιτ- имеют разную огласовку корня (др.-инд. *e* отражает дифтонг), а корень sit- можно найти практически чуть ли не в любом языке. Поэтому нужно согласиться с такими яркими характеристиками этимологий О. Н. Трубачева, как überkühn и sehr kühn,⁶ а также с общим выводом Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского о том, что О. Н. Трубачевым «пока не указано ни одного явно индоарийского имени во всей припонтийской ономастике».⁷ О. Н. Трубачев, в ответ на критику В. Шмида, высказал сожаление в связи с тем, что его оппонент не указал, к каким именно этимологиям он относится весьма скептически (ук. соч., с. 195). Однако простое перечисление этих этимологий заняло бы слишком много места.⁸ Кроме того, мало перечислить неудачные этимологии, нужно еще убедительно доказать их неприемлемость. А это требует значительно большего места, чем перечисление слабо аргументированных или совсем не аргументированных этимологических сопоставлений.

* Публикуется без издательского редактирования.

© Ю. В. Откупщиков, 2004

Поскольку О. Н. Трубачев неоднократно приводит в своих работах индоарийскую этимологию этнонима Δανδαῖοι (и связанного с ним топонима Δανδακή), остановимся на вопросе о происхождении названных имен собственных. По мнению О. Н. Трубачева, Δανδαῖοι — это композита, первый компонент которой он сопоставляет с др.-инд. daṇḍā- 'камыш',⁹ а второй — с aḡuāḥ 'арии'. Поэтому этноним в целом означает 'камышовые арии', а Δανδακή, соответственно, — 'камышовая (бухта)'.¹⁰

И здесь прежде всего необходимо обратиться к вопросам методики ономастического анализа. Начиная с античности и со средних веков — и вплоть до наших дней — очень распространенным способом этимологизирования собственных имен является стремление трактовать суффиксальную часть имени как второй или второй и третий компоненты словосложения. Классический пример: толкование названия ордена Dominicani как Domini canes 'псы Господа'. И таких примеров при этимологизации имен собственных — великое множество и в наше время. Нельзя в связи с этим не согласиться с Р. Катичичем, который писал о поразительном сходстве целого ряда современных «научных» этимологий с самыми рискованными народноэтимологическими толкованиями.¹¹ Как известно, большое количество одинаковых конечных частей слова обычно свидетельствует о суффиксальном словообразовании, а не о словосложении. Известный индоевропейский суффикс -ag- имеет в греческих и латинских источниках производные на -αρος (pl. -αροι), -άριος (pl. -άριοι), -agus (-arii), -agius (-arii). В одном только латинском языке образований на -agius (-arii) больше тысячи. Немало их и в древнегреческих источниках. Если конечная часть этнонима Δανδαῖοι означает 'арии', то как быть, например, с этнонимом из Иллирии Δανδαῖοι? Или — с жителями южной Лаконики Τανδαῖοι, северной Сицилии — Τυνδαῖοι и многими другими. Пользуясь методикой О. Н. Трубачева, последнее образование, видимо, следует сопоставить с др.-инд. tunda- 'пузо, брюхо' и трактовать его как 'пузатые арии', этноним из северо-западной Африки Κανδαῖοι — с др.-инд. kaṇā 'девушка' (ну чем не амазонки?!), Μαρμαῖοι — жители южной части Эвбеи — с др.-инд. maḡma- 'пах', этноним в северной Сарматии Ναιαροι (в целом ряде случаев -αροι = -άριοι) — с др.-инд. nāva- 'новый' ('новые арии' как антипод 'старым ариям' О. Н. Трубачева),¹² этноним в Иллирии Πολάριοι — с др.-инд. pāla- 'царь, повелитель' (семантически ср.: 'царские скифы')... Значит ли это, что во всех приведенных примерах¹³ речь должна идти об

‘ариях’? Или только у этнонима Δανδάριοι — в угоду индоарийской гипотезе — конечное -άριοι является вторым компонентом словосложения?

О суффиксальном характере -αρ- у имени Δανδάριοι свидетельствует наличие обычного в палеобалканской ономастике суффиксального чередования -αρ- : -αх-. Ср.: Δανδ-άρ-ιοι : Δανδ-άх-η и ЭН Καν-άρ-ιοι : ΜΙ Καν-άх-η,¹⁴ Μαμμ-αρ-ος (ЛИ из Пантикапея) : Μαμμ-αх-ος (ЛИ из Карики) и др.¹⁵

Нужно отметить, что суффикс -аг- широко распространен в индоевропейских языках: др.-греч. νέος = νεαρός ‘молодой’, λίπος ‘жир’ — λιπαρός ‘жирный’, др.-инд. ánta- = ántara- ‘близкий’, kāśá- ‘стекло’ — kāśagá- ‘стеклянный’. О древности данной словообразовательной модели свидетельствует полное совпадение в случаях типа: др.-греч. πῖ(φ)ος — πῖ(φ)αρός = др.-инд. rívaḥ — rívaḡaḥ ‘жирный’. Ср. также: лит. dinda = diñdaras ‘лентяй’, úmas ‘внезапный’ — úmagas ‘вихрь, буря»; фракийские личные имена Βασσος и Βασσαρος, города Фракии Ἄσσα и Ἄσσαρα. Все это свидетельствует о суффиксальном характере -αρ- у этнонима Δανδάριοι.

Теперь перейдем к основе этого названия. Др.-инд. daṇḍá- означает ‘палка’, причем обычно как символ власти (ср.: рус. *скипетр*, лат. *scipio* — оба слова из др.-греч. σκήπτρον; рус. *булава* и др.), а также как орудия наказания. Нигде это слово не имеет значения ‘камыш, тростник’ (ср. др.-инд. pāla- ‘камышовый’, vénu- ‘тростник’, śiga- ‘камыш, тростник’, śaga-janman ‘рожденный в тростниках’ и т. п.). В известном Петербургском словаре О. Бётлинка более 130 производных от daṇḍá- (суффиксация и словосложение) связаны со значением ‘палка’. Например, padaṇḍa- ‘весло’, daṇḍagī ‘вид огурца’ (а отнюдь не ‘камышовые арии’), daṇḍa-dhara- ‘наказывающий’ (‘судья, государь’) и др. Из всего весьма обширного перечня О. Н. Трубачев берет производное (с суффиксом -n-) dāṇḍana- с обычным значением ‘порка, наказание’ и — под вопросом — ‘Rohr (?)’.¹⁶ Но от этого слова (даже если признать сомнительное значение ‘тростник’) производное, означающее ‘камышовые арии’, должно было иметь форму *Daṇḍanaḡaḥ, ибо др.-инд. daṇḍá- ни в одном из 130 случаев не имеет значения ‘камыш, тростник’. Наконец, известный санскритолог Т. Барроу относит др.-инд. daṇḍá- к числу дравидийских заимствований.¹⁷ Если это так, то слово daṇḍá- проникло в язык индоариев только после их прибытия в Индию — что полностью исключает «камышовые» этимологии О. Н. Трубачева.

Топоним Δανδάρηλ в Херсонесе Таврическом (Ptol. Geogr. 3, 2,

6) О. Н. Трубачев сопоставляет с названием леса в Декане (Индия) Daṇḍaka-. М. Майрхофер считает, что этот трудный для этимологизации топоним восходит к *Dandraka- (с основой *dandrá-) — к др.-греч. δένδρον ‘дерево’. Или же (как и daṇḍá-) является заимствованием из дравидийских языков.¹⁸ В пользу реконструкции Daṇḍaka < *Dandraka свидетельствует не только надежное соответствие в виде др.-греч. δένδρον ‘дерево’, но и наличие церебральных nd, восходящих к индоевропейским дентальным nd. Последний аргумент считает весьма существенным В. Н. Топоров.¹⁹ М. Майрхофер приводит др.-инд. taṇḍaka ‘Baumstrunk’,²⁰ а также ссылается на широкое распространение в дравидийских языках таких слов, как, например, тамил. taṇṭu ‘палка’. Причем и taṇḍaka, и taṇṭu отражают часто встречающееся в дравидийских языках чередование Tenuis- und Media-Anlaut.²¹ Таким образом, М. Майрхофер предлагает две этимологии топонима Daṇḍaka: 1) индоевропейскую и 2) неиндоевропейскую (дравидийское заимствование).

О. Н. Трубачев (не приводя никаких аргументов) считает первую этимологию «необязательной» (?!),²² а вторую вообще не упоминает, ибо в этом случае придется полностью отказаться от «камышовой» этимологии топонимов Daṇḍaka и Δανδάρηλ. Исходя из своей этимологии последнего топонима, он локализует его, отождествляя с *Камышовой бухтой* в Севастополе.²³ Однако данные археологии не подтверждают локализации топонима Δανδάρηλ, предложенной О. Н. Трубачевым, — локализации, основанной всего лишь на сомнительной его этимологии.²⁴ Разумеется, субъективно-эмоциональные заявления О. Н. Трубачева типа «Δανδάρηλ звучит по-древнеиндийски» (ук. соч., с. 45) отнюдь не могут считаться аргументом в пользу предложенной им этимологии крымского топонима. Признавая родство топонима Δανδάρηλ и этнонима Δανδάριοι О. Н. Трубачев (ук. соч., с. 45) не приводит ни одного примера из (древне)индийской ономастики, где производным на -ак- соответствовали бы композиты со вторым компонентом -аг(уāḥ). Выше уже говорилось, что образования на -άριος, -άριοι — это не композиты, а обычные суффиксальные производные. То же относится и к широко распространенным во Фракии и в Северном Причерноморье производным с суффиксом -αх-. Ср. фрак. ЛИ Δανδης²⁵ — Δανδάρηλ; фрак. ЛИ Δάδας — ЛИ из Ольвии Δάδαχος; г. Фракии Αἶσα — ΜΙ Αἶσαχος (сын Приама); малоаз. ЛИ Арτας — ΜΗ Ἀρτάκη (бухта и гора в районе Кизика), река во Фракии Ἀρτάκης, фрак. ЭН Ἀρτοχόι; ЛИ из Ольвии Βατος — ЛИ из Пантикапея Βατόκης и многие

другие. Соотношение МН Δανδ-άχ-η и ЭН Δανδ-άρ-ιοι представляет собой хорошо известное суффиксальное чередование, широко представленное в том же ареале, что и производные с суффиксами -αχ- и -αρ- (см. с. 192). Звучат ли и все эти имена собственные также «по-древнеиндийски»?

Одним из наиболее слабых мест в индоарийских штудиях О. Н. Трубачева является словообразовательный аспект анализа. Так, он рассматривает древнеиндийский топоним Daṇḍaka как «производное от др.-инд. daṇḍá- ‘палка’, dáṇḍana- ‘вид тростника’» (ук. соч., с. 41). Однако засвидетельствованное в словарях производное от daṇḍá- — вполне реальное слово daṇḍaka- означает не ‘камышовая (бухта)’, а ‘палка, шест, столб’. Что же касается слова dáṇḍana- ‘наказание, порка’ и (не очень надежное значение) ‘вид тростника’, то от него (в последнем значении) производное с суффиксом -k- должно было иметь форму *Daṇḍanaka, а не Daṇḍaka (то же — в случае *Δανδανάριοι, а не Δανδάριοι).

Поскольку предлагавшиеся иранские этимологии этнонима Δανδάριοι и топонима Δανδάχη (соответственно к иран. *dānudara ‘державшие реку’ и к осет. dændag ‘зуб’) никак нельзя признать убедительными,²⁶ нужно считать, что вопрос об этимологии ЭН Δανδάριοι и МН Δανδάχη до сих пор остается открытым.

Широкое распространение фракийской (догреческой) ономастики не только на Балканах, но также в Северном Причерноморье и в западной части Малой Азии — достаточно надежно установленный факт (см., в частности, работы Л. Згусты, Д. Дечева и других исследователей).²⁷ Уже давно было обращено внимание на многочисленные совпадения между балтийской ономастикой — с одной стороны, иллирийской и фракийской — с другой. Здесь следует назвать работы Й. Басанавичюса, Н. Йокля, Г. Краэ, В. Н. Топорова.²⁸ Приведя целый ряд балто-иллирийских ономастических соответствий, Г. Краэ отмечает, что эти «bemerkenswerte Übereinstimmungen... nicht auf Zufall beruhen können».²⁹ И. Дуриданов в своем фундаментальном исследовании³⁰ перенес центр тяжести с балто-иллирийских на балто-фракийские (и балто-дакийские) ономастические связи. Богатейший и убедительный материал, содержащийся в работах И. Дуриданова, весьма впечатляет. Вот что писал в связи с этим Б. А. Серебренников: «И. Дуриданов приводит разительные совпадения, обнаруживаемые при сравнении фракийских и дакийских собственных имен с

собственными именами литовцев, латышей и древних пруссов».³¹

Поскольку фракийский язык можно условно назвать языком «ономастическим» (кроме большого числа имен собственных, мы о нем почти ничего не знаем), наличие многочисленных балто-фракийских ономастических изоглосс позволяет при этимологизации фракийских (resp. дакийских) имен собственных опираться на апеллятивную лексику балтийских языков. Так, например, эпитет Героса Σοιτ-ουλ-ην-ός надежно этимологизируется при сопоставлении с лит. švitēti ‘светить(ся), блестеть’ и švit-ul-ūs ‘отблеск, блестяка’ (последнее слово — с тем же суффиксом -ul-). Ср. также эпитет фракийского Аполлона Σπινδε-ην-ός к лит. spindėti ‘блестеть, сверкать’.³² Поскольку в исследованиях И. Дуриданова таких примеров немало, можно признать вполне обоснованным заключение автора о том, что значительное число фракийских и дакийских собственных имен, которые этимологизировались неудовлетворительным образом или просто оставались темными, ему удалось объяснить с помощью балтийского языкового материала.³³

По своей словообразовательной структуре имена собственные Δανδάχη и Δανδάριοι хорошо укладываются в рамки фракийского ономастического словообразования. Прежде всего, Δανδάχη представляет собой обычное производное от простой ономастической основы Δανδ-, ср. мужское и женское ЛИ Δανδης и Danda (см. приведенные выше примеры типа Αρτας — Αρτάχη); суффиксальные чередования -αχ- : -αρ- типа Δανδά-αχ-η : Δανδά-αρ-ιοι или Κανά-αχ-η : Κανά-αρ-ιοι (см. с. 192) также являются обычными во фракийском словообразовании. Город Dandara в Египте³⁴ — еще один аргумент в пользу того, что -αρ- у этнонима Δανδάριοι является суффиксом, а не вторым компонентом словосложения.

Наконец, надежно установленные в трудах Г. Краэ, И. Дуриданова, В. Н. Топорова и других исследователей многочисленные балто-иллирийские и балто-фракийские ономастические изоглоссы заставляют при решении вопроса о происхождении этнонима Δανδάριοι обратиться к материалам балтийских языков. И здесь прежде всего нужно отметить такие литовские антропонимы, как Danda и Dandaras (LPŽ, I, 454). Ссылка авторов словаря на нем. Dander вызывает сомнения, ибо у немецкого имени, кажется, нет этимологии, в то время как лит. апеллятив dañdaras ‘бич, плеть, кнут’ не только полностью совпадает с именем собственным, но и отражает распространенную семантическую универсалию. Ср.: лит. антропонимы Pagalỹs, Lazdà (к pagalỹs, lazdà ‘палка’), др.-греч.

μάστιξ 'бич, плеть' → ЛИ Μάστιξ, рус. антропонимы *Кнут* и *Кнутов* (XV в.)³⁵ и многие другие.

Сопоставление лит. Dañdaras и ЭН Δανδάριοι не является каким-то изолированным случаем, простым совпадением. Это сопоставление естественно вписывается в многочисленные балто-фракийские ономастические изоглоссы, а также в фонетические и словообразовательные закономерности балтийских и палеобалканских (в том числе — фракийского и дакийского) языков. Более того, в обоих регионах засвидетельствованы не только производные с суффиксом -r-, но и простые ономастические основы, к которым эти производные восходят. Полная идентичность фонетико-словообразовательной системы в ономастике сопоставляемых языков четко выступает в следующих примерах:

1) фрак. ЛИ Δανδης, Danda ³⁶	—	ЭН Δανδάριοι, МН Dandara;
лит. антропонимы Dandà	—	Dañdaras; ³⁷
2) фрак. ЛИ Δινδας	—	ЭН Δινδάριοι;
лит. антропоним Dinda	—	diñdaras 'бродяга'; ³⁸
3) карийск. г. Δυνδα(σον) ³⁹	—	Τυνδάριοι; ⁴⁰
лит. антропонимы Dūnda	—	Dundaras.

Показательно, что в приведенных примерах наглядно проявляется известное индоевропейское чередование *e : o : нуль* в составе сонантного дифтонга (применительно к балтийскому и фракийскому материалу это чередование выступает в форме *en : an : in, un*). Ср., например: палеобалк. Μερμ-ησσός : Μαρι-ησσός : Μυρι-ησσός и лит. merm-ėti : marm-ėti : murm-ėti 'бормотать, журчать'.⁴¹

Интересную гипотезу, связанную с лтш. danda, лит. dañdaras 'бич, кнут', высказал В. Н. Топоров. По его мнению, эти слова, с одной стороны, связаны с др.-инд. dañḍá- 'палка', а с другой — с цыган. dant, dander 'зуб', dander 'кусать' и др.⁴² Поскольку балтийские слова не имеют широких этимологических связей в литовском и латышском языках, а лтш. danda, dandara и dañdala в словаре К. Мюленбаха—Я. Эндзелена обозначены как 'Zigeunerpeitsche',⁴³ В. Н. Топоров делает вывод о том, что балтийские слова были заимствованы из цыганского языка — дальнего потомка языка древнеиндийского. У этой гипотезы, при всем ее остроумии, есть целый ряд уязвимых пунктов. Прежде всего, в латышском языке не только слова danda и dandara, но также, например, kaũka, pitka, biktala, griņdža, kañka, miseklis определяются как 'цыганский кнут' ('Zigeunerpeitsche').⁴⁴ Значит ли это, что все перечисленные сло-

ва — цыганские заимствования? Думается, что причина здесь не в языковых контактах, а в реалиях (цыган и лошадь неразрывно связаны между собой в сознании людей).⁴⁵ Затем. Автор гипотезы не приводит ни одного цыганского слова со значением 'бич, кнут', которое могло бы послужить источником заимствования, а опирается на достаточно спорную этимологию незасвидетельствованного цыганского слова, которое он сопоставляет с цыган. dant, dander 'зуб' и dander 'кусать'. Но если др.-инд. dañḍá- 'палка' не является дравидийским заимствованием, а восходит к *dandrá- (= др.-греч. δένδρον 'дерево'),⁴⁶ то этимология этого древнеиндийского и гипотетически восстановленного, но не засвидетельствованного цыганского слова, связанная с др.-инд. dánta- 'зуб', вообще повисает в воздухе. Нужно полагать, что изоглосса: др.-инд. dañḍá- 'палка' < *dandrá- : лтш. danda — лит. dañdaras 'бич, кнут'⁴⁷ — это свидетельство в пользу индоевропейского происхождения др.-инд. dañḍá- 'палка'. Об этом же свидетельствует рус. диал. *дондаты* 'бить, колотить палкою' (Даль I, 468), ср.: др.-инд. dañḍatādana- 'наказание палкой'. Наконец, приведенные выше ономастические балто-фракийские изоглоссы типа лит. Dañdaras — ЭН Δανδάριοι также говорят не только о фракийской принадлежности последнего этнонима, но и об исконно индоевропейском происхождении привлеченных к анализу балтийских, фракийских и древнеиндийских слов.

Сокращения

ЛИ	— личное имя
МИ	— мифологическое имя
МН	— местное название
ЭН	— этническое название, этноним
LPŽ	— Lietuvių pavardžių žodynas. I (A-K), II (L-Ž). Vilnius, 1985–1989.

Примечания

¹ См. также в надписях Боспора первой половины IV в. до н.э. Корпус Боспорских надписей. М; Л., 1965; № 6, 6а, 1014, 1037, 1038.

² Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier im Südrußland. Leipzig, 1971. S. 190, 194. Не лучше и сопоставление Δανδάριοι с иран. *dānu-dar- 'держат реку' (Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. I. М; Л., 1949. С. 41.

³ Недавно они были собраны в книге: Трубачев О. Н. Indoarica. М., 1999. Об ЭН Δανδάριοι см. с. 40–41, 44–45, 48, 211, 233–234.

⁴ Kretschmer P. Inder am Kuban // Anzeiger Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos.-histor. Klasse. 80. Jg. 1943 (1944). № I-XV. S. 35–42.

⁵ Schmid W. P. Zur Frage der Datierung iranischen Lehnwörter in den finnisch-ugrischen Sprachen // Veröffentlichungen der Societas Uralo-altaica. Bd 12. Wiesbaden, 1979. S. 269.

- 6 Их приводит и сам О. Н. Трубачев (ук. соч., с. 195).
- 7 Грантовский Э. А., Раевский Д. С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 62.
- 8 А Э. А. Грантовскому и Д. С. Раевскому вообще пришлось бы перечислить весь список этих этимологий.
- 9 Такого значения у данного слова вообще нет. Обычное его значение — 'палка'.
- 10 Трубачев О. Н. Ук. соч., с. 233–234 и др.
- 11 Katičić R. Ancient Languages of the Balkans. Hague; Paris. 1976. Part I. P. 48.
- 12 Трубачев О. Н. Ук. соч. С. 99–102.
- 13 А в них всюду даны реальные значения реальных древнеиндийских слов — в отличие от гипотетического значения 'камыш' у слова, означающего 'палка'.
- 14 Κανάκη — дочь Эола, связь с Фракией — только опосредствованная, ср. Αίόλειον г. Фракии (Халкидика). То же можно сказать о Κανάριοι — ЭН в Атласских горах, ср. Ἄτλας, -ντος р. во Фракии.
- 15 Другие примеры чередования -(α)ρ- : -(α)κ- в палеобалканской ономастике см. в: Отжупициков Ю. В. Догреческий субстрат. Л., 1988. С. 147.
- 16 Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Dritter Theil. St. Petersburg, 1882. S. 64.
- 17 Барроу Т. Санскрит. М., 1976. С. 357.
- 18 Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lief. 9. Heidelberg, 1957. S. 11–12.
- 19 Топоров В. Н. Лит. dañdaras, лтш. dañdala и друг // Zeitschrift für Slawistik. Bd XIX, 2. 1974. S. 78.
- 20 А отнюдь не 'тростниковый лес' (?) — как интерпретирует древнеиндийский топоним Dañḍaka О. Н. Трубачев (Ук. соч., с. 44).
- 21 Mayrhofer M. Op. cit. Bd II. S. 12.
- 22 Трубачев О. Н. Ук. соч. С. 41.
- 23 Там же. С. 40.
- 24 См.: Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // Вестник древней истории. 1965, № 2. С. 110–113. Как сообщил мне в декабре 2001 г. А. Н. Щеглов, он категорически не согласен с идентификацией Δανδάκη и Камышовой бухты в Севастополе.
- 25 Также олимпоники из Аргоса (Simon. XIII, 14).
- 26 И в этом можно согласиться с О. Н. Трубачевым (ук. соч., с. 41).
- 27 Например: Mateescu G. G. Nomi traci nel territorio scito-sarmatico // Ephemeris Dacoromana II, 1924. P. 223 sqq.; Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlicher Schwarzküste. Praha, 1955; Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.
- 28 Basanavičius J. Trakių kalbos likučiai vietų varduose lietuvių kalbos šviesoje // Lietuvis Tauta, kn. III, 3. Vilnius, 1925. P. 505–563; Jokl N. Thraker // Reallexikon der Vorgeschichte / Herausgegeben von M. Ebert. 1929. Bd 13; Krahe H. 1) Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der Adria. Mainz, 1957; 2) Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954 и др.; Топоров В. Н. 1) Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топонимии // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 52–58, 2) К фракийско-балтийским языковым параллелям // ч. I —

Балканское языкознание. М., 1973. С. 30–63, II — Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 59–116

- 29 Krahe H. Vorgeschichtliche... S. 112.
- 30 Duridanov I. Thracisch-Dakische Studien // Linguistique balkanique. T. XIII, 2. Sofia, 1969.
- 31 Серебрянников Б. А. Об одной изоглоссе района Прибалтики // Baltistica X, 1 (1974). P. 50.
- 32 Duridanov I. Op. cit. S. 66 und 68.
- 33 Ibid. S. 99.
- 34 Ball J. Contributions to the Geography of Egypt. Cairo, 1939. P. 62–66. Фракийская топонимика в Египте — явление не столь уж редкое. Ср., например, фрак. ΛΙΙ Μάγδις и г. Μάγδαλος в Египте, Ἄβυδος г. в Троаде и г. в Африке. Последний топоним этимологически соответствует др.-греч. ἄβυδος 'бездонный'; и.-с. *dh дает др.-греч. θ, но фрак. δ (см.: Duridanov I. Die Sprache der Thraker. München, 1985. S. 120). Фракийская антропонимика также широко представлена в надписях Египта. См., например: Velkov V. et Fol A. Les Thraces en Égypte gréco-romaine // Studia Thracica 4. Sofia 1977. P. 117 sqq.; Bingen J. Les Thraces en Égypte ptolémaïque // Pulpudeva 4. Sofia, 1984. P. 72–73 и другие работы.
- 35 Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 144.
- 36 Фракийская ономастика здесь (как и в других местах) обычно дается по книге Д. Дечева, ссылка на которую была дана выше.
- 37 Ср. также лтш. danda и лит. dañdaras 'бич, кнут'.
- 38 Ср. имена, образованные с помощью суффикса -ul-: фрак. Δυνδύλας и лит. Dindūlis.
- 39 Простая основа *Δυνδα → *Δυνδακη (ср. Δανδάκη) → *Δυνδακ-ι-ον > Δυνδα(σ)ον. Об этой словообразовательной модели в палеобалканской ономастике см.: Отжупициков Ю. В. Догреческий субстрат. С. 153–164.
- 40 Жители города Τυνδαρίς. Колебания δ/τ в греческих передачах догреческих имен собственных типа Δάρανδος = Τάραντος (Zgusta L. Kleinasiatische Ortsnamen. Heidelberg, 1984. S. 67), Γορδυνία = Γορτυνία г. в Македонии — хорошо известный факт. Подробнее о мене звонкий / глухой в палеобалканской ономастике см.: Отжупициков Ю. В. Догреческий субстрат. С. 126 сл.
- 41 Независимо от того, проливают литовские примеры свет на этимологию догреческого топонима или нет. О надежных случаях этимологизации палеобалканской ономастики с помощью балтийской апеллативной лексики, помимо работ И. Дуриданова и В. Н. Топорова, см. также в кн.: Отжупициков Ю. В. Opera philologica minora. СПб., 2001. С. 367–368.
- 42 Топоров В. Н. Лит. dañdaras... С. 208.
- 43 Mühlentach K. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Bd I. Riga, 1943. S. 437.
- 44 Sabaliauskas A. Iš baltų kalbų gyvulininkystės terminologijos istorijos // Lietuvių kalbotyros klausimai. T. XII. Vilnius, 1970. P. 59–71.
- 45 Ср., например, у Саломен Нерис: «Šigonas, kaip visi šigonai, - Jis vogė arklius naktimis» («Цыганин, как и все цыгане, - Ночами крал он лошадей»).
- 46 Эту этимологию М. Майрхофера, кажется, одобряет В. Н. Топоров в статье Лит. dañdaras... С. 208.
- 47 В обоих случаях — как орудие наказания, без каких-либо связей с 'камышом'.